

ся масштабные проекты по оцифровке библиотек, музеев, архивов.

В таком контексте культурное наследие выполняет роль общественной памяти, средства сохранения и накопления опыта духовной деятельности человека. Благодаря этой роли культуры становится возможным формирование глубинных подсознательно действующих алгоритмов культурного поведения человека, то есть формирование архетипов, которые закрепляют поведенческие образцы или модели на психофизиологическом уровне.

Гуманитарное образование и культура также имеют прагматический аспект. Речь идет об истоках и смыслах организационной культуры. Многочисленные исследования на Западе, начало которым положил Макс Вебер, подтвердили важность исследования проблем национальной организационной культуры. Наиболее интересные результаты по данной проблеме были получены в 70–80-е гг. прошлого столетия голландским ученым Гиртом Хофстедом (Geert Hofstede). Его исследования проводились в 1967–1980-е годы. Объектом исследования были граждане 50 стран мира, работающие в компании IBM⁶. Хофстед определяет культуру как коллективную ментальную запрограммированность, часть предопределенности восприятия мира нами, общую с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающую нас от представителей других наций, регионов и групп. Любое социальное разделение ролей является в той или иной мере следствием культурных традиций. В современной науке модель Хофстеда считается одной из наиболее перспективных для анализа организационной культуры предприятия. Она помогает выявить не только внешние особенности той или иной организационной культуры, но и глубинные, психологические связи, возникающие

между членами организации и влияющие на производительность и эффективность предприятия самым непосредственным и сильным образом. К тому же правильная оценка организационной культуры помогает выработать подходящую для данной модели политику по управлению организационной культурой.

Понимание этой функциональности культуры позволяет создавать жизнеспособные образовательные проекты в области гуманитарного образования с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом необходимо учитывать потенциал этих технологий в создании плотной структуры социальных взаимодействий в современном мире, что может способствовать адаптации людей к быстро изменяющемуся миру в условиях глобализации.

Примечания

- ¹ См.: Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
- ² См.: Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. М.: Дом интеллект. кн., 2000. 309 с.; Webber M. Order in Diversity – Community without Propinquity, in Cities and Space / Ed. L. Wingo. Baltimore: John Hopkins Press, 1963.
- ³ См.: Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- ⁴ См.: Мельникова Н.И. Киберпространство terra incognita // Теоретические проблемы информатики: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Сытника. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 83–86.
- ⁵ Ичас М. О природе живого: механизмы и смысл. М.: Мир, 1994. 464 с.
- ⁶ См.: Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.

УДК 316+929

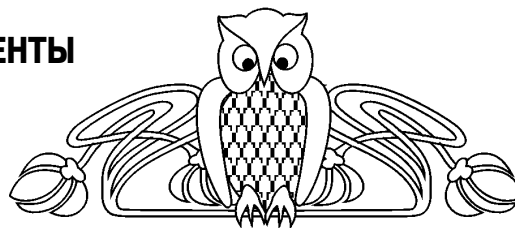
«НОВЫЕ ЛЮДИ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО КАК АГЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются характерные черты нового социального слоя и его возможности в предстоящем изменении политического и социального устройства России в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «новые люди», модернизация, великие реформы Александра II.

«New People» of Chernyshevsky as Agents of Russian Society Modernization

Y.A. Nikiforov

In article characteristic features of a new social stratum and its possibility in forthcoming change of the political and social structure of Russia in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special

attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.

Key words: N.G. Chernyshevsky, modernization, great reform of Alexander II, «new people».

Реформы Александра II представляли собой наиболее значимую в нашей истории попытку модернизации по либеральной модели, когда реформировались не только технологии, но и социальные институты. К сожалению, «Великая реформа» так и не смогла вывести страну на современный уровень развития и завершилась с трагической смертью Александра II. В период подготовки и проведения Реформ в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 г. Н.Г. Чернышевский вступает в общественные споры о проектах с тем же намерением, что и другие их участники: повлиять на итоговый текст закона. В то время как он пытается изменить содержание Реформы, которая должна была стать двигателем предстоящей модернизации, размышления о препятствиях этого предприятия приводят его к вопросу о том, что мешает России на этом пути.

Написанное в 1861–1862 гг. свидетельствует о трудных поисках выхода из порочного круга, который сам Чернышевский очертил своей формулой «всемогущее государство – подданные, лишенные инициативы». Его размышления сосредоточены на препятствиях, мешающих русским экономическим классам вести себя как классы общественно-политические. Речь идет об анализе русского государства и общества. В самом деле, этот анализ представляет преграды, встающие на пути модернизации системы самодержавия, как непреодолимые.

В чем же, по мнению Чернышевского, кроются коренные причины подобного типа модернизации? В характерных чертах существующей социальной системы. Ее первая отличительная черта – это вертикальный характер системы. Она спускается к самым низам народной массы, населяющей страну. Она связывает всех жителей империи посредством властных отношений, воспринимаемых на каждом уровне в качестве абсолютных. Единообразная вертикальность всей русской жизни придавала самодержавию значение социальной системы, охватывающей все население, и в то же время создавала в этом населении менталитет, соответствующий вертикальному характеру системы. «Основное наше понятие, упорнейшее наше предание – то, что мы во все вносим идею произвола..., первое условие успеха, даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему». «Возведение послушания в высший абсолютный закон» – вторая черта, касающаяся устойчивости этой системы. «Господствует вера в одни, раз навсегда определенные и закрепленные формы... все идет машинально, раз навсегда заведенным порядком». Третья черта: Россия, за

редкими исключениями, является империей «обезличенных» подданных. Будучи причиной или результатом, «обезличенные люди» теснейшим образом связаны с отсутствием общественной солидарности и с уже отмеченным отсутствием духа сопротивления. Не имеет смысла обращаться к той или иной социальной категории, чтобы осудить ее или на нее надеяться, так как обезличенность, которой добилась самодержавная система, не подвластна стихийному развитию социальных конфликтов. Результатом этой гомогенизации является «разложение человеческой природы»¹. Условие: область политического надо еще создать. Но «естественные» силы и «естественный» путь отсутствуют, так как классы политически не конституированы, они остаются составляющей частью системы, антиполитичной по определению. Для того чтобы достичь политического уровня, надо индивидуально освободиться от системы: это задача новых людей, которые призваны привнести извне политическое сознание – в самом простом смысле: гражданское сознание – в массы. Чернышевский пишет: «Недавно родился этот тип и быстро расплодится. Он рожден временем, он знамение времени, и, указать ли? – он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгой жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: “спасите нас!”, и что будут они говорить, будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и – станут их проклипать, и они будут согнаны со сцены, ошканные, страшимые»². Ключевое слово здесь «тип»: новые люди могут появиться в качестве воплощения социального проекта, альтернативного действительности, только если они уже составляют новый общественный «круг». «Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого китайцы, на их глаза, ведь и французы такие же, как англичане. Да китайцы и правы: в отношениях с ними все европейцы, как один европеец, не индивидуумы, а представители типа». Парадоксально, но отличительной чертой «новых людей» является то, что они «обыкновенные люди»: «Я хотел изобразить обыкновенных порядочных людей нового поколения, людей, которых я встречаю целые сотни». В романе «Что делать?» предлагалась связанная и всесторонне разработанная программа поведения, учитывавшая все – от важных общественных поступков до мельчайших деталей домашнего распорядка. Он сознательно конструировал героев своего романа как образцы человеческой личности (типы), пригодные для воспроизведения в реальной жизни. Социальная группа, в которую входил сам Н.Г. Чернышевский и которая должна была стать исполнителем программы модернизации всего русского общества, только зарождалась и еще не получила точных социальных характеристик, представляла собой

зону социального экспериментирования. Обычно возникновение новой группы порождает у окружения негативные реакции, поскольку приводит к перераспределению ресурсов, а потому новая группа оказывается в ситуации, когда она должна заимствовать идеологию – и при этом делать ее своей, работающей на себя. Сложность ситуации усугубляется еще и тем, что состав этой новой группы неизбежно смешан: она состоит из маргинальных членов старых групп. Как раз начало этого процесса формирования культуры «новых людей» мы и обнаруживаем в романе Чернышевского. Кто же эти «добрые и сильные, честные и умеющие», ради которых пишет Чернышевский? Откуда они взялись?

Первый источник человеческих ресурсов для «новых людей» – мещанство. Отсюда пришла главная героиня – Вера Павловна. Второй источник – дворянство. Здесь формируется характер Рахметова. Для Чернышевского главное в дворянстве – его «фантастический» характер, его стремление спрятать свои реальные экономические интересы за красивой фразеологией, за словами о долге и благородном служении (наиболее откровенно эта позиция высказана во втором сне Веры Павловны, рассказывающем о «реальной» и «фантастической» грязи). Если же отказаться от предвзятого отношения, свойственного Чернышевскому, мы обнаружим, что сама идея долга и службы действительно входит в число существенных элементов дворянского существования. Наконец, есть и третий источник, не имевший такого общепонятного названия, как первые два. Это группа образованных людей, живущих за счет использования своих знаний – врачей, учителей, ученых, юристов и пр. Общество всегда нуждается в услугах этих людей, однако конкретный способ обеспечения их существования зависит более всего от распределения ресурсов внутри общества. Пожалуй, вернее всего название, предложенное Писаревым: это «мыслящий пролетариат»³. Эта группа дает наибольшее число «новых людей»: Лопухов, Кирсанов и ряд второстепенных персонажей – люди этой группы. В основу ее идеологии ложится идеология мещанства: главный смысл существования человека – польза. Приверженность идеологическому наследию мещанства можно объяснить двояко: с одной стороны, это идеология непосредственных предшественников интеллигенции в деле эмансипации, да и многие «новые люди» происходят из мещанской среды. Но гораздо более существенным оказывается второй фактор: для того чтобы быть убедительной, новой идеологии требуются быстрые успехи, доказательства собственной эффективности. Добиться успехов в рамках дворянской идеологии «новым людям» вряд ли удастся: дворянская иерархия слишком внимательно относится к допуску в свои ряды претендентов со стороны, да и успехи, возможные в этой иерархии, очень уж

зависят от государственной власти. Мещанская же идеология подкупает своим демократизмом: будь умнее, хитрее, энергичнее других – и сразу получишь вознаграждение: капитал, с которым можешь поступать по своему усмотрению, хоть в дворяне идти. Итак, главное слово «новых людей» – польза. Однако это слово лишь на первый взгляд синонимично слову «выгода», определявшему существование буржуазии. «Новые люди» должны противостоять не только дворянам, но и буржуазии, иначе они будут ассимилированы буржуазией. Поэтому польза должна быть не личной, но общей. «Новые люди» не просто ограничивают свои устремления к выгоде, учитывая интересы других людей – они отказывают себе во множестве полезных и желательных вещей ради интересов других. Объяснение же, что польза другого человека лишь увеличит их собственное удовольствие, уж слишком похоже на рационализацию, чтобы вправду удовлетворять кого-либо. Отметим, кстати, что теория эта удачно сочетает в себе идеологемы предшественников: эгоизм, то есть следование натуре, естественному зову сердца – и в то же время разумный, то есть окультуренный, очеловеченный; своеобразное слияние мещанства и дворянства в одной парадигме. Наряду со словом «польза», противопоставляемым буржуазной «выгоде», идеологию «новых людей» определяет слово «работа». Жизненные блага должны доставаться только в результате серьезных усилий, а не права наследования. Формула новой идеологии – работа ради пользы других. «Новые люди» не собственники, но и не слуги; они следуют зову сердца, поверяя его строгими расчетами выгод; они исходят из своего собственного представления о долге. Каждая достаточно крупная социальная группа имеет свой образ будущего. Двигающей идеологической силой любой модернизации является стремление воплотить эти образы в жизнь, цель модернизации – реализация социальных проектов, которые должны организовать реальность таким образом, который представляется его авторам наилучшим. Единственная возможность повлиять на этот процесс – определить свои приоритеты и, присоединившись к той группе, которая разделяет с тобой эти приоритеты, попытаться воплотить их в жизнь. Творчество и вся жизнь Чернышевского остается одной из самых масштабных попыток сформулировать и реализовать такой проект.

Либеральный историк русской общественной мысли Нестор Котляревский писал о Чернышевском: «Есть имена, которые покрывают собою духовную работу целого поколения, деятельность огромного числа лиц, иной раз лиц очень самостоятельных и сильных. Имя одного человека становится выразителем массового движения – движения не темной массы, а целых групп. Для молодого поколения 60-х, в его радикальных группах разных оттенков, имя Чернышевского было таким условным именем»⁴.

Примечания

- ¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939–1950. Т. 7. С. 874.
² Н.Г. Чернышевский. Что делать? Л., 1975. С. 149.

- ³ Писарев Д.И. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1956. Т. 4. С. 12–24.
⁴ Котляревский Н. Канун освобождения. 1855–1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг., 1916. С. 256.

УДК 316.3 (075.8)

МАРКСИСТСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ЗАПАДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

А.А. Бариева

Академия наук Татарстана, Центр перспективных экономических исследований, отдел социологии
E-mail: abarieva@yandex.ru

В статье рассмотрены достоинства и недостатки марксистской научно-исследовательской программы в ее применении к медицинской социологии. Утверждается, что эта исследовательская программа может служить вполне адекватной теоретико-методологической основой исследований в области социологии медицины, но не одна, а вместе с такими классическими исследовательскими программами, как дюркгеймовская социология и социология Макса Вебера.

Ключевые слова: социология медицины, социология здравоохранения, научно-исследовательская программа, К. Маркс.

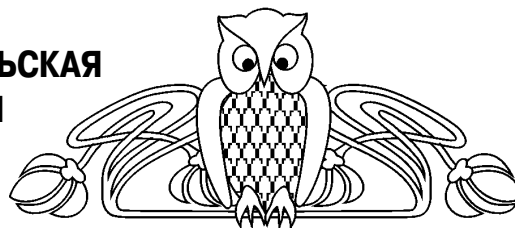
Marxist Scientific Research Programme in Western Medical Sociology

A.A. Barieva

Abstract. Merits and drawbacks of Marxist research programme in its applications to medical sociology are discussed. It is argued that the programme under consideration can serve as conceptual basis of medical sociology investigations only in conjunction with other two classical programmes – sociologies of Durkheim and Weber.

Key words: sociology of medicine, sociology of health, scientific research programme, K. Marx.

Марксистская социология изначально была связана с рассмотрением таких социальных явлений, которые в настоящее время единодушно отождествляются с предметом медицинской социологии. Фридрих Энгельс, например, в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845) описал действие экологических факторов на здоровье человека. Карл Маркс, в свою очередь, в «Капитале» (1867) обратил внимание исследователей на последствия переутомления, сравнивая здоровье рабочих в отраслях производства, защищенных Фабричными актами, с отраслями, которые этими законами защищены не были. Правда, в то время как основатели марксизма уделяли основное внимание проблеме воздействия жизненных стандартов на здоровье, их современные западные последователи значительно расширили область

исследовательских интересов за счет включения процесса производства медицинских услуг. Тудор Харт¹, например, проанализировал воздействие частной медицины на распределение медицинских услуг, а Дж. Робсон² исследовал влияние фармацевтической промышленности и професий на государственную службу здравоохранения в Великобритании. Позже к этим исследованиям добавились работы В. Наварро³ и Л. Дойала⁴.

Тем не менее цель данной работы состоит не только в том, чтобы дать обзор достижений марксистской социологии в сфере исследования сложившейся на Западе системы здравоохранения, хотя именно эта тема представляет для отечественной социологии медицины несомненный интерес. Для нас гораздо важнее рассмотреть те направления, в которых марксистская социология и социология здравоохранения могут оказать и оказывают плодотворное влияние друг на друга.

Достижения марксистской социологии медицины

В рассматриваемом направлении наиболее важные результаты были получены Мак-Кеоном⁵. Вкратце его вклад в марксистскую социологию медицины сводится к формулированию и попыткам обосновать так называемый «тезис Мак-Кеона»: повышение уровня жизни в основном ответственно за падение уровня смертности в Великобритании.

Несмотря на значимость проделанной работы, основная ограниченность исследований Мак-Кеона все-таки носит не эмпирический, а теоретический характер. Он оперирует достаточно амбивалентным понятием «уровень жизни», не вписав его в систему других категорий марксистской социологии и не связав прежде всего с таким понятием, как «трудовая стоимость», которое в марксистской социологии является центральным, осевым. Ведь, как известно, для Маркса определяющие черты капитализма – это не столько поиск прибыли и фабричное производство, сколько факт существования рабочих, свободных в двух отношениях.